

© 1990 г.

ЗЕЛИКОВ М.В.

**ЭРГАТИВНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В БАСКСКОМ
И ИБЕРО-РОМАНСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ**

Самым значительным событием в исследовании баскского глагола во второй половине XX в., возможно, был имевший большие последствия в вопросе о пересмотре всей грамматической системы баскского языка отход от его пассивной и вообще залоговой в индоевропейском понимании интерпретации, которой придерживались Г. Шухардт, А. Тромбетти и другие пионеры научной баскологии [1—3]. В этом смысле весьма показательной является эволюция взглядов крупнейшего исследователя баскского глагола Р. Лафона, также первоначально видевшего в нем способность к пассивной трансформации, но впоследствии радикально изменившего свое мнение [4]. Крайняя точка зрения была выражена А. Мартине, отметившим, что «баскский язык имеет глагол, которому неизвестна категория залога» [5].

В результате тщательных типологических исследований, проведенных за последнее десятилетие, было выявлено, что, несмотря на определенное структурное подобие эргативных языков, резко отличающихся от номинативных языков Европы и сопредельных областей Азии, конкретно эргативность в них проявляется далеко не одинаково. Установлено, что существует несколько типов эргативных языков. По мнению Р. Трэска и ряда других исследователей, большинство из них эргативны лишь морфологически; синтаксически эргативны лишь немногие [6]. Отмечается также, что в рамках эргативных систем, не считая немногочисленных синтаксических процессов типа инкорпорации, всегда тяготеющей к функционированию скорее на эргативно-абсолютивной основе, большинство синтаксических явлений действует скорее на номинативно-аккузативной основе, чем на эргативно-абсолютивной [7]. Баскская эргативность не является чисто морфологической. Как отмечает Г. Бреттшнайдер, различие эргатива и абсолютива в баскском составляет черту, релевантную для его синтаксической организации [8]. Подробный критический разбор этой и других точек зрения см. в [9]. Эта особенность, по мнению Г. Боссонга, составляет своеобразие баскского эргативного типа, отличая его от австралийской, тонганской, сино-тибетской, бурушаски и картвельской эргативности [10, с. 345]. По утверждению Г. Боссонга, баскский является глубоко эргативным языком [10, с. 369], и реализуемая в рамках эргативных строений, предполагаемых генезисом практически любого баскского предложения типичная оппозиция может быть названа залоговой лишь с известными допущениями. Так, использование в предложениях активного (соответствующего индоевропейскому переходному) глагола: *Martinek jan du aragia* букв. «Мартин съеденным его имеет мясо» противопоставлено стативному (соответствующему индоевропейскому не-

переходному) глаголу: *Martinek jana da aragia* букв. «Мartiном съеденное есть мясо». В обоих случаях агент предложения *Martinek* снабжен маркером эргатива -к. Вторая конструкция рассматривается как нехарактерная для баскского и как возникшая в результате позднейшего романского воздействия — типичные для и.-е. языков пассивные формы в баскском отсутствуют. Баскскому, если исходить из порядка слов в предложении, присуще исключительно активное построение фразы [11], а залоговая диатеза отсутствует именно у агентивного глагола, что, как это видно из приведенного примера, является одним из специфических показателей эргативности. Отождествление его с переходным глаголом номинативных языков, имеющим диатезу и способным к трансформации, невозможна [9, с. 104]. Как отмечает Т. Бретгшнайдер, в баскском различие между «активной» и «пассивной» конструкциями отсутствует и наличествует лишь один базовый тип предложения [12]. Существование последнего обусловлено исходной нерасчлененностью функций глаголов с семантикой «быть» и «иметь», которые лишь условно могут быть выделены в базовой форме *izan* [13, с. 319 и ел.]. Как отмечает Р. Лафон, баскские глаголы делятся на два класса в зависимости от наличия или отсутствия имени существительного или местоимения в эргативном падеже, а также в зависимости от числа и формы личных показателей в спряжении. При желании можно называть эти классы глаголов переходными или непереходными, но поскольку в таком случае сами данные термины имели бы существенно иной смысл, нежели тот, что они имеют применительно к глаголам латинского, французского или испанского языков, то лучше не пользоваться вообще данными терминами в баскологии и говорить просто о глаголах 1 и 2-го классов. Временный переход глагола из одного класса в другой вообще возможен, но это делается только с помощью вспомогательного глагола иного класса, с помощью изменения класса вспомогательного глагола: *ikusi du* «он его увидел», *ikusi da* «его видно, его увидели, он виден» [14]. Шире об условности понятия «переходный / непереходный» для глагола баскского типа см. в [9, с. 98 и ел.]. Подобное положение делает невозможным рассматривать баскские конструкции как пассивные, и отдельные попытки выявления пассивного залога в баскском, имеющие место в настоящее время [15, 16], встречают серьезные возражения [17—19]. Вопрос о пассивности баскского глагола снимается уже потому, что последний демонстрирует то архаическое состояние, когда пассивные и активные конструкции выражаются еще синкретично, что и является обязательной импликацией языков эргативного строя [13, с. 325]. О невозможности существования диатезы «актив-пассив» в баскском говорит и то, что в конструкциях, образованных с «непереходным» *izan*, отсутствует агент действия, ср.: *emendik erri osoa ikusten da* букв. «отсюда селение все в видении есть». Подобные образования, фактически являющиеся безличными, по мнению Ю. В. Зыцаря, служат для выражения пассивности в баскском и определяются им как «эргативный пассив» [20]. Первичность личных (активных) и безличных конструкций и вторичность пассивных, являющихся их поздней трансформацией, признается, как известно, и для и.-е. глагола. В и.-е. языках, например, в латыни, как отмечает Ю. С. Степанов, замена винительного падежа на именительный в конструкции *vitam vivitur* «проживает (свою) жизнь» ^> ^> *vita vivitur* (чисто пассивный оборот) реализуется очень поздно. Таким образом, этот оборот долго остается ориентированным на субъект, причем субъект этот неопределенно-личный и собирательный и даже не выраженный в самом предложении [21]. Кроме того, о глубинно активном

характере пассивных структур свидетельствует, как считает У. Р. Шмальстиг, и легкая возможность их «активизации», т. е. переосмысления в активную: сев.-русс.-русск. говоры: *У волков* (ген. мн. ч.) *тут корову съедено*, т. е. «корова съедена волками» = «волки съели корову». Ср. также лит. русск. *Эту башню видно издалека* [22]. О предложениях с устранным субъектом типа *Здесь дует* см. также [23]. Примечательно, что в предложении, приведенном Г. Боссонгом (*Olesik egin gabe, inork IkuIII gabe, gizatagi handi batean sartzen naiz* «Бесшумно и будучи никем не замеченным, я вхожу в гостиную» [10, с. 359]), оба «переходных» глагола — *egin* «сделавший» и *ikusi* «увиденный», представленные здесь в различных функциях — эргатива («переходного» агенса) и абсолютива («переходного» пациенса), употреблены безлично: букв. «Крика сделавши без, кем-нибудь увидевши без, в гостиную большую во вхождении я есть». Нетрудно заметить, что безличная часть баскского предложения функционирует как депричастный оборот. Однако структура двух самостоятельных предложений, которые могут быть развернуты на ее базе, останется безличной. Ср.: (*Nik*) *ez dut olesik egiten* «Я не кричу», букв. «Я (эрг.) не ег-имею-я крика (партитив) в делании» и (*Ni*) *ez nau inork ikusten* «Никто не видит меня», букв. «Я не есть кем-нибудь (эрг.) в видении» [10, с. 360].

Попытка П. Наэрта доказать, что баскский глагол является именем действия (как глагол эскимосского языка), в свое время вызвала резкие возражения Р. Лафона [14]. Тем не менее статичность, которая характеризует аналитические (обычные для баскского, ср.: *Egiten dut* «В делании я это имею», *Ikusten naiz* «В видении я есть») конструкции, несомненна. Модели эргативных Иср.: *Nere laguna ikusten det* «Я вижу моего друга», букв. «Моего друга в видении (= в состоянии видения) его имею я], «эргативно пассивных» [ср.: *Emendik erri osoa ikusten da* «Отсюда видно все селение», букв. «Отсюда селение все в видении (= в состоянии видения) есть»] и абсолютивных конструкций [ср.: *Asko ibiltzen naiz* «Я много хожу», букв. «Много в хождении (= в состоянии хождения) я есть»] убеждают в правомерности мнения А. Мартине о том, что «действие в баскском представлено само по себе без ориентации по отношению к участникам, каким оно может быть в существительном» [5], см. также [24]. Полностью номинальной является и баскская форма, примерно соответствующая инфинитиву и.е. языков, представляющая собой отглагольное имя, образуемое прибавлением к глагольному корню суффикса *-(i)te* (*-tze*): *etor-tze* «приходить», букв. «прихождение»; *ikus-te* «видеть», букв. «видение». Помимо глагольных корней последний способен сочетаться с именами существительными (ср.: *elur* «снег» → *elur-te* «время снегов», т. е. «время, когда выпадает снег»), прилагательными (*eder* «красивый» → *^•eder-te* «процесс становления красивым»), местоимениями (*neze* «мой» → *→ nere-tze* «процесс становления моим») и наречиями (*azkar* «быстро» → *→ azkar-te* «убыстрение», т. е. «процесс увеличения скорости»).

Таким образом, формант *-(i)te(-tze)* независимо от того, с какой частью речи оно используется, является показателем процессуальности. Однако образуемые им формы вряд ли можно назвать глагольными: нерасчлененность функций, которая обнаруживается при их исследовании, возможно, указывает на существование реликтов предыдущих этапов языкового состояния, эксплицируемых в настоящее время как неопределенные формы глагола (существительного, прилагательного, местоимения и наречия).

Подобно инфинитиву многих и.е. языков, баскское отглагольное имя способно к субстантивации. Ср.: *Aberak edatera eramatea* «Скота угон к питью». Другой важной особенностью функционирования отглагольного

существительного в баскском языке является возможность его склонения. Давно отмеченное сходство этих формантов с и.-е. существительными (Э. Леви) несомненно. В последних инфинитив представляет хорошо развитую не только в именном, но и в глагольном отношении форму. Отметим, что примеры наибольшей инфинитивности в этом индоевропейстическом понимании содержатся в пберо-романских языках, и в частности в испанском. Унаследованный от латыни и в дальнейшем развивавшийся в основном в сторону глагольности, инфинитив романских языков приобрел ряд черт, одновременно характеризующих его еще в большей степени, чем в языке-основе, как именную форму. Бесспорной романской новацией является субстантивация инфинитива. Так, в частности, субстантивация испанского инфинитива, как неоднократно уже отмечалось, имея ряд особенностей по сравнению с другими романскими языками, составляет одну из самых характерных черт испанского синтаксиса [25]. Ср. модели употребления независимого инфинитива, отмечаемые, начиная с Харджей: *...tantfamare I habib*, *...enfermieron welyos nidios* «...от такой любви, господин... заболели глаза». В современном языке: *Al principio mucho mirarme en el cine* (Делибес) «Сначала ты долго смотрел на меня, когда мы сидели в кино» [26, с. 321].

Среди примеров функционирования иберо-романского инфинитива как именной формы можно отметить еще одну важную параллель с отглагольным именем языка басков: показатели «склонения» последнего находят ближайшее структурное соответствие с различными предлогами, сочетающимися с испанским инфинитивом. Ср. генитив {-ko, -zen} = исп. *de, para*: *Ordu gutxian lura ereite-ko prest gelditu zan* букв. «Часов в несколько земля сеянца для готова стать была» = исп. *En pocas horas la tierra quedo dispuesta para sembrar*; *Ikastearen lanak luzeak dira* букв. «Учения труды долги суть» = исп. *Los trabajos del aprender son largos*; датив {-ri}: *Euria-ri eman zion* букв. «Дождю дав он = исп. *Le dio a Hover*; каузатив {-gatik} = исп. *pog {causa de}*: *Ara joate-agatik gaxotu zan* букв. «Туда хождения из-за заболевший он стал» = исп. *pog {causa de} ir alia, se enfermo*.

Отмечаемое сходство парадигмы баскского отглагольного имени с предложным использованием инфинитива в испанском отнюдь не исключает постановку вопроса о том, что уникальное для всех романских языков явление — способность иберо-романского (и особенно испанского) инфинитива сочетаться со всеми предлогами, сопоставимое с функционированием моделей действия состояния эргативных языков, лишенных субъектно-объектной ориентации,— находится в определенной связи с фактами древнейшего языка полуострова — баскского. Наше предположение не является оригинальным. Попытка объяснить разносторонние синтаксические функции испанского инфинитива (субстантивация, использование в конструкциях) как появившиеся благодаря баскскому влиянию, уже была предпринята Т. Монтгомери [27]. О флексиях баскского «инфинитива» в связи с его способностью к субстантивации, приводя испанские параллели, пишет А. Лопес Гарсиа: *eramaneetik* «desde el/la/lo llevado», *eramaneetik* «desde el llevar», *daramaneetik* «desde el/la/lo lleva» и др. [28, с. 399].

Не имеют формальных аналогов в латыни и в других романских языках и современные разговорные модели предложного инфинитива как именной формы в функции прилагательных и наречий, исследованные до настоящего времени далеко не полно [29]. Ср. с предлогом *de*: *facil de creer* «легковерный» (= *cridulo*); *jdCIL de contentar* «невзыскательный» (= *poco exigente*); с предлогом *en*: *lento en actuar* «медлительный» (= *per-*

sona tarda); с предлогом *a*: *a medio cerrar* «полуоткрытый / полузакрытый» (= *medio cerrado*); *aplaudir a rabiarse* «неистово аплодировать» (= *aplaudir rabiosamente*) [30; 26, с. 336]. Следует отметить, что функция инфинитивных конструкций с предлогом *a* не является одинаковой. Здесь, наряду с адъективной и адвербиальной, отмечается и глагольная. Адвербиальная функция: *c.No tienes un marido que te quiere a cegar!* (= *ciegamente*) (В. Байнхауэр) «Разве не слепо тебя любит муж?»; глагольная функция: *Esta es la cuestion a resolver, es decir el motivo poreal queyo estoy aqui esta noche* (Делибес) «Этот вопрос не решен (= этот вопрос надо решать); из-за него я сегодня и приехал». Как можно видеть, конструкция второго предложения близка к «глагольным» моделям инфинитива с предлогом *a*, являющимся эквивалентами моделей инфинитива с предлогом *por*. Весьма примечателен тот факт, что функционирование в иберо-романских языках инфинитивных конструкций для передачи видовых оттенков незавершенного действия и выполнение ими той роли, которая, например, в латыни и во французском обычно закреплена за герундием, находит типологическую параллель с отглагольным существительным языка басков. В отличие от результитивной формы, практически соответствующей индоевропейскому причастию, в баскском отсутствует специальная неличная модель, аналогичная деепричастию. Форма, соответствующая индоевропейскому герундию, используемая в конструкциях описательного спряжения (настоящее и прошедшее незавершенное время), не что иное, как то же отглагольное существительное, стоящее в местном падеже: *Zu etortzean da* «Вы приходите», букв. «Вы есть в приходе». Аффикс локатива (инессива) *-n* функционально равняется здесь испанским предлогам, вводящим инфинитивы в соответствующих конструкциях прогрессивного действия. Отметим в этой связи полное совпадение с моделью «*en* + инфинитив», особенно характерной для пиренейского романского ареала (каталанский, гасконский и провансальский): кат. *En entrar jo, tots s'alga-ren* (XIV в.) «Когда я вошел, все встали» [31].

Локативные модели отглагольного имени — не единственный способ выражения предикативных отношений в баскском [32]. Весьма продуктивны здесь образования с инструментальным суф. *-z*. Помимо использования с причастиями, ср. *negarrez* «плача» — *negarr* «плакавший»: *Ama atezan negarrez ez dala agiri beran semie* «Мать начала плакать, что ее сын (вновь) не появится» [33, с. 206], он может прибавляться и к субстантивированному отглагольному существительному. Ср.: *Amona eukiteaz laguntasan handia dauko* «Бабушка ей очень помогает», букв. «Бабушку с именем помощь большую она имеет» [34, с. 203]. Форма *eukitea-z*, параллельная испанскому герундию *teniendo*, буквально соответствует модели субстантивированного инфинитива с предлогом *con*: *con el tener*. Герундиальное значение имеют и испанские инструментальные модели с причастием (прилагательным) и инфинитивом. Первые являются эквивалентами посессивных конструкций с глаголом *tener* (*con* — депрецированный эквивалент *tener*) [35]. Ср. в предложениях при выражении одновременного действия: *Con los dedos clavados en las sienes y la vista jija en el suelo, permanece quieta, sin fuerzas* (Медь) (*Teniendo los dedos clavados en las sienes y la vista jija en el suelo...*) «Зажав пальцами виски и уставившись в землю, она сидит тихо, обессиленная»; *Estuvo un momento con la cabeza baja, indeciso* (Села) (*...teniendo la cabeza baja...*) «Короткое время он сидел, опустив голову, в нерешительности»; *Poz hacer algo me puse a jugar con las teclas, combinando acordes sin objeto, con un vaso puesto al borde de la ultima octava.* (Карпентьер) (*...teniendo un vaso...*) «Чтобы чем-

нибудь заняться, я, поставив стакан на край последней октавы, стал играть на клавишах, бесцельно подбирая аккорды». Практически не изучены (см. [36]) испанские инструментальные модели с эллиптическим инфинитивом: *Con el Paquito en la guarderia, y a es otra cosal* (Села) «— *Con estar el Paquito en la guarderia...* «Еслибы Паquito взял в приют, было бы совсем другое дело». Герундиальное значение моделей «con + инфинитив» несомненно. Ср. также: *Con Serafin en la tienda, Pio estudiando para cur a y las hijas, a pesar de su corta edad de criadas de servir...* *Serafin padre quedaba en el mejor de los mundos* (Села) «— *Con estar (trabajar) Serafin en la tienda...* «Серафим работал в лавке, Пио учился на священника, а дочери, несмотря на свой малый возраст, были отданы в услужение... и Серафим-отец был страшно доволен». Среди иберо-романских моделей этого типа следует отметить особо конструкции в кастильском языке Наварры. Отмечается, что их распространение связано с баскским влиянием непосредственно: *Medicos y boticas aunque co i haber, la gente tarde o temprano morir se hace* 137, с 81] (*habiendo medicos y boticas la gente se muere tarde o temprano*) «Несмотря на аптеки и врачей, рано или поздно люди умирают».

Типологическими коррелятами баскских моделей отглагольного имени, стоящих в адитиве (суф. *-za*), являются и иберо-романские конструкции «para -j- инфинитив»: *Irikitzen daude berei laguntzera joan gaitezen* «Они хотят, чтобы мы пришли к ним на помощь» (букв. «для помощи») = исп. *Están deseando (que) para su ayuda vayamos*, также хорошо известные как баскизированные модели в кастильском Наварры: *Yo creia ese pa v?ndsr que teniais* [37, с 81] (*Yo creia que teniais(que) venderlo*) «Я думал, что вы должны это продать»¹.

Вариантом инфинитивных конструкций с предлогом *para* в испанском являются конструкции с предлогом *a* [ср.: *El vagabundo, otra vez solo entre los altos y verdinegros carballos, pasa por Chapa, camino de Silleda, sin pararse a mucho mas que a refregar* (Села) «Путешественник, опять оставшийся в одиночестве среди высоких и зелено-черных дубов, проходит Чапу по дороге, ведущей в Сильеду, останавливаясь лишь для кратковременного отдыха», имеющие герундиальное значение в португальском. Ср.: *E tive a impressdo de estarmos todos mortos. Todos. A apodrecer* (Ондина Брага) «У меня было впечатление, что все мы мертвы. Все. Гнием»². В некоторых работах, в которых затрагивались вопросы возникновения иберо-романского анализизма, они сопоставлялись с ирландской конструкцией «глагол *-ta* (= *estar*) -/- предлог -/ личный глагол» [38]. В кельтских языках можно отметить и параллель к иберо-романским инструментальным конструкциям с герундиальным значением. Так, в числе предложных моделей имен действия, сохранившего,

¹ Типично баскским в этом предложении является и синтаксис релятивного *que*, который, подобно своему баскскому аналогу — форманту *-ta*, неотделим от глагольной формы (ср. *dira-n*). Как известно, другой баскский релятив *-la* также используется для образования конструкций герундиального типа, ср. *nik dakidala* «зная это я», букв. «я (эрг.) это знаю, что» (=исп. *que yo sepa*). Несмотря на то, что, как отмечает Л. Вильянте, в кастильском таким моделям соответствует герундиальный оборот (ср. *sabiendolo yo* [34, с. 200]), известно, что сложноподчиненные предложения с придаточными относительными являются, по мнению некоторых исследователей, более «испанскими», чем герундиальные конструкции, расценивающиеся как галлицизмы. Так, по мнению М. Алонсо, сказать *La caja que contiene bombones* «Коробка, которая содержит конфеты» предпочтительнее, чем *La caja conteniendo bombones* «Коробка, содержащая конфеты».

² В ряде случаев модели «*estar* o + инфинитив» герундиального типа и в испанском. Это имеет место на фразеологическом уровне: *Por que cree Usted que yo est.oy a matar con mi cunado?* (Села) «Почему Вы думаете, что я с шурином на ножках?».

как еще было отмечено ³. Виндишем, все характеристики существительного, широкое распространение имеют образования с предлогом *ag* (= йен. *cop*): ирл. *Ta gra agam dhuit* «Я люблю тебя», букв. «Со мной есть любовь к тебе»; газельск. *Chan eil fhios agam* «Я это не знаю», букв. «Со мной нет знания» [39]. Как отмечает В. Н. Ярцева, «локативное значение предлога при инфинитиве указывает на чрезвычайную древность этого оборота. Круг значений, в которых употребляется оборот с инфинитивом, в древнеирландском неизмеримо шире, чем те значения, в которых мы встречаем винительный падеж с инфинитивом в других языках индоевропейской семьи» [40].

Сходное функционирование глагольного имени в кельтских языках и в баскском, на которое обращал внимание и А. Товар [41], имеющее структурные параллели с иберо-романскими конструкциями предложного инфинитива, возможно, представляет еще одно остаточное явление доиндоевропейских языков атлантического ареала Европы, одним из представителей которых является язык басков ³.

Несмотря на специфику баскского как языка с ярко выраженной эргативной системой, исследователи обращают внимание на определенные структурные аналогии с активной и номинативной системами (возможность именной морфологии: падежная парадигма, категория притяжательности и др.) [9, с. 119; 43, 44]. Во всяком состоянии языка,— писал Л. Ельмслев,— имеются отголоски предшествующего состояния и зачатки состояния в становлении. Как отмечает Г. А. Климов, тезис о большой архаичности эргативной типологии по сравнению с номинативной необоснован [9, с. 89]. Разделяя точку зрения Г. Боссонга о том, что номинативные характеристики в баскском относятся к явлению поверхностного характера [10, с. 369] и, возможно, находятся в процессе своего становления, основные типологически сходные синтаксические черты баскского с и.-е. (иберо-романскими и кельтскими) языками мы объясняем как остаточные структуры древнейшего для эргативных и номинативных языков активного строя, сущность которого составляли активно-инактивные отношения; см. также [45].

Как было показано выше, форма, соответствующая в баскском индоевропейскому инфинитиву, располагает только именными качествами (об этом см. [46]). Известно, что глагольный инфинитив имеется в номинативных и лишь частично в эргативных языках [9, с. 177]. Использование в этой функции полностью именной формы в эргативных языках и, в частности, в баскском,— непосредственный реликт древнейшего состояния. Способности баскского «инфинитива» зачастую выполнять функции глагольной категории времени, вообще являющейся весьма поздним приобретением грамматического строя языков, по-видимому, обуславливаются ситуацией, аналогичной той, что имеет место в языках активной типологии, морфология которых также не знает категории времени. Ср.: *Hozrella zaude deus ere egin gabetarik, eritasunak har, heriotzea ethor eta infernua joan* (Ашулар) «Итак, ты стоишь, ничего не делая, до тех пор, пока болезнь не возьмет тебя, смерть не придет за тобой, и ты последуешь в ад», букв. «Итак, ты находишься даже сделавши без, болезнь (эрг.) забирание, смерть прихождение и в ад ушедши». В этом предложении,

³ Попытка объяснить некоторые особенности видо-временной системы островных кельтских языков, например, конструкцию «*быть* -f предлог + спрягаемый глагол», исходя из широкого контекста языков Западного Средиземноморья (хамитские, баскский), принадлежит Ю. Покорному [42].

как отмечает Г. Боссонг, используется лишь один глагол, стоящий в личной форме: *zaude*. Помимо результитивной формы *egin* «сделавши», обозначающей сопутствующее действие, здесь присутствуют еще три неличные формы, придающие предложению, по мнению Г. Боссонга, архаическое звучание [10, с. 364]. Две из них, но не четыре, как пишет Г. Боссонг, — *har-* и *ethor-* в корневой (ср. иконические «причастные» варианты *har-tu* «взятый» и *ethor-i* «пришедший») «инфинитивной» форме. Отсутствие в древнейшей грамматической (активной) системе категории субъектного лица в составе финитного глагольного комплекса, очевидно, и вызвало к жизни не только эргативность, проявляющуюся в безличном, бессубъектном характере баскского глагола («эргативный пассив», функционирование чистых «инфинитивных» корней вместо финитных глагольных), но как остаточное явление активной структуры проступает в особых построениях с отглагольным именем в синтаксисе номинативных иберо-романских и кельтских языков. Ср. ирл.: *Ta se treis imeacht* «Он только что ушел», букв. «Есть он после хождения»; *Ta se deanta* «Я это сделал», букв. «Есть это сделанное мной» [47, с. 41–42]. При сопоставлении ирландской модели *Ta iithe aige* «Он съел», букв. «Есть съеденное им» с баскской *Martinek jan du* «Мартин съел», букв. «Мартин (эрг.) съеденным это имеет», отмечается их тождество и скорее активный, чем эргативный характер, что обусловлено их явным агентивным характером [47, с. 44], отмечающимися и для некоторых других баскско-кельтских соответствий [13, с. 326].

Что касается иберо-романского ареала, то, как уже отмечалось, наибольшее сходство с «эргативным пассивом» языка басков обнаруживают безличные испанские модели, которые характеризуются отсутствием согласования в числе между глаголом и объектом. Глубинной структурой активно-медиальных образований типа *se vende(n) botellas*, синтаксис которой говорит об их активном характере: «невывраженный субъект + переходный глагол -Я объект», является генитивная модель *Hay venta de la(s) botella(s)* «Бутылка (бутылки) есть / имеется продажа», объясняющая таким образом возможность несогласования в числе (подробнее об этом см. [13, с. 328; 48]). В связи с генитивной интерпретацией последней отметим, что в северных диалектах баскского языка отглагольное имя, функционируя в «чистом» виде, сочетается с прямым дополнением, стоящим в форме генитива: *Nik txakurraren hiltze-* «Я убиваю собаку», букв. «Мною (я — эрг.) собаки убивание» [49]. Показательно, что инфинитивная конструкция с генитивным прямым дополнением, довольно редкая в староиспанском: *mi visitar tu casa* (Селестина) «мое посещение твоего дома», в настоящее время, как считает Р. Лапеса, имеет некоторую тенденцию к распространению: *su infatigable tomar el rdano por las hojas* (Ортега и Гассет) «его неутомимая активность» [26, с. 349].

Известно, что генитив отсутствовал не только в языках активного строя, но и в представителях последовательно выдержанного эргативного [9, с. 46–47]. Тем не менее генитивизация органически присуща именным образованиям баскского. Способность к ней и баскского отглагольного имени является еще одним свидетельством именной природы последнего. Ср. в северо-восточных диалектах: *aitaren jitea* букв. «отца приезд»; *aitaren egite hori* «это действие отца», букв. «отца деяние это» [10, с. 382–383]. Представляет большую важность, что генитивизация, рассматриваемая как показатель развивающейся номинативной системы, вполне сопутствует архаическому (активному) характеру баскского предиката, тяготеющего в большинстве случаев к бессубъектному функционированию. Ср.

также очевидную связь показателя генитива-партитива *-ko* с суффиксами *-(i)ko*, *-tako*, которые, присоединяясь к отглагольному имени, указывают на релятивное отношение в прошлом, выступая таким образом как придаточные относительные с глаголом, стоящим в прошедшем времени: *Galduriko ardia* «Овца, которая потерялась» = исп. *La oveja que se perdió* (букв. *La oveja de lo perdido*); *Atzo ildako gizona* «Человек, который умер вчера» = исп. *El hombre que se murio ayer* (букв. *El hombre de lo muerto ayer*)*.

С органическим функционированием неличных форм, употребляющихся вместо финитного глагола, связано развитие и дативных отношений в баскском предложении. Несмотря на то, что вполне развитый дат. падеж засвидетельствован только у представителей номинативного строя, а факт его формирования наблюдается исключительно в тех преимущественно эргативных (и активных?) языках, которые прочно встали на путь номинализации [9, с. 109], в дативных бесsubjектных структурах баскского глагола «классические» номинативные оппозиции «переходность / непереходность» и «субъект / предикат» продолжают оставаться такими же невыраженными, как и в языках активной типологии. Так, например, баскским соответствием предложения типа «Отец разозлился» = исп. *El padre se ha enfadado* является конструкция с субъектом, стоящим? в дат. падеже: *Aitari hasarretu zaio* букв. «Отцу разозлило это» = исп. *Se le ha enfadado al padre* [52]. Об и.-е. параллелях см. [53]. В связи с этим отмѣтим, что дативные конструкции в иберо-романских, и в частности в испанском, являются обычными безличными коррелятами моделей активного высказывания. Ср.: *Yo no entiendo eso — Eso a mi no se me entiende* «Я этого не понимаю»; *Tengo miedo — Me da [entra] miedo* «Мне страшно». Глагол *dar* «давать», который в приведенных коррелятах всегда связан с одушевленным субъектом [ср.: *Ese pozo tiene un hechizo* (Сендер) — *En ese pozo hay un hechizo* «Этот колодец заколдован»; *La ciudad andaba ajetreada* (X. Гойтисоло) — *Habia un ajetreto en la ciudad* «В городе была обычная суета»], вообще играет заметную роль в образовании безличных дативных конструкций в испанском как *verba omnibus*: *Me ha dado* «Меня задело» и в составе аналитического сказуемого: *Me dio a la pesca* «Я увлекся рыбной ловлей». Исследуемое явление хорошо объясняется из баскского языка: *eman* «давать» входит в аналитические конструкции, именной компонент которых имеет форму дат. падежа. Так, в баскском возможны не только *edanari eman* «выпивать», букв. «пьянке давши», параллельное кастильскому *dorse a la bebida*, но и *negarrari eman* «расплакаться», букв. «плачу давши» и *bideari eman* «пуститься в путь», букв. «дороге давши», которые иберо-романских соответствий не имеют (ср.: *echarse a llorar* и *ponerse en camino*). Отмечается, что в условиях баскско-кастильского билингвизма вм. *Comenzó a Hover* «Начался дождь» говорят *Le dio a Hover* букв. «Ему дало дождить», что является явной калькой баскского *Euriari eman zion*

* Отметим попутно, что особенности автохтонной (баскской) генитивизации сказались, возможно, на формировании необычных иберо-романских генитивных моделей, функционирующих в качестве обычных для и.-е. языков адъективных (отмечаемых и для ирландского языка): исп. *Una casa de las buenas* «Очень хороший дом» — ср. баск. *Bi gizon onik* «Два хороших человека», букв. «Два человека из хороших»; *Mujer de si casa* «Домашняя хозяйка» = баск. *Etzeko andrea* букв. «Дома хозяйка» [50, 51], и конструкции **именного** сказуемого на базе предлога *de* типа *ir de viaje* «путешествовать», *jar de vacaciones* «быть на каникулах», *andar de J-* существительное [*dinero, tiempo, tabaco* и т. д.]: «*Cómo andamos de tabaco?* «Как там у нас с табаком?»; *Preparate, quo vas de viaje* (Делибес) «Приготовься: ты отправляешься в путешествие».

[54]. Ср. буквальный перевод последней конструкции: «Дождю давши ему было».

Дативизация уже не раз отмечалась исследователями как типично кастилское явление. Так, Р. Лапесой в известном послесловии к «Поэме о Сиде» отмечается употребление местоимения *le* (< лат. датив *HI*) в функции существительных предметного значения (вм. *lo*): *Per Abbat le (este libro) escriuioen el mes de mayo* [55] «Пер Аббат ее (букв, ей) написал в мае месяце». Весьма значимым с этой точки зрения является существование в испанском не имеющих других романских параллелей аналитических конструкций, требующих дативного оформления типа *coger cariño (a alguien)* «полюбить (кого-л.)», букв. «взять любовь к кому-л.»> и др.

Х. Вагнер, показавший на большом языковом материале связь эргативности с безличными конструкциями, приводит, в частности, кельтские (ирландские и валлийские) модели отглагольного имени в локативно-дативном падеже: ирл. *Tagd ... do marbad do Chonnachtaib* «Тагд был убит Коннахтайбом», букв. «Тагд ... для убиения для Коннахтайба»; валл. *milltir wedi g chi adad llyn ogwen* «миля, после того, как вы оставите Лин Огвен», букв. «миля после для вашего оставления Лин Огвен». При этом известно, что на предлоги *do* и *i* распространяется и функция инструменталиса [56]. Предполагается, что дативно-локативные отношения в предложении, впоследствии переосмысленные в аккузативные, — одна из характеристик антипассивной конструкции [57]. Последняя невозможна после образования класса переходных глаголов и трансформации абсолютива в номинатив, выступающий, как известно, в качестве единственного падежа и.-е. подлежащего. Тем не менее, для раннего периода и.-е. языков агентивные функции отмечаются и для творительного падежа [58]. Одновременно в языках эргативной системы, и в частности в баскском, известно параллельное номинативное использование инструментального падежа в функции эргативного [56, с. 52]. Так, предложение «*Omeц съел хлеб*» может быть переведено как *Aita-k ogia jan du* букв. «Отец (эрг.) хлеб съеденный его он имеет» и *Ogia jan da aita-z* букв. «Хлеб съеденный есть отцом (инстр.)». В связи с вышеизложенным несомненно заслуживает внимания конструкция подлежащего с предлогом *entre* в испанском и в некоторых других западных романских языках, выделяющаяся на фоне обычного беспредложного функционирования подлежащего номинативных языков: *Para ellos el tesoro es del pueblo y entre nosotros y don Lino les estamos desvalijando* (Делибес) «По их мнению, клад принадлежит геревне, а мы с доном Лино их оборовываем»; *Ahora cercaban el lecho entre todos: el medico, dona Gregoria, Estefania y el senior Lesmes* (Делибес) «Теперь они все стояли возле ложа: врач, донья Грегория, Эстефания и сеньор Лезмес».

О большом удельном весе конструкций с *entre* в испанском свидетельствуют и примеры их несубъектного, атрибутивного функционирования (N = Adj.), отмеченные уже в произведениях Хуана Мануэля, Сервантеса и Лоне де Бегги: *Pareece masprietio que amariello, et lasespaldas entre amariellas et pardas* (Хуан Мануэль) [59, с. 226] «Он кажется скорее черным, чем желтым, а спинка у него желтовато-бурая». Ср. в современном языке: *...su perfil entre romano y tarteso* (Сендер) «...его римско-тартессийский профиль». Известный уже в самых ранних памятниках — ср.: *Mas se maravillan entre Diago e Ferrando* (Сид, 2348) «Но удивляются Диого и Фернандо» — в латинском языке настоящий оборот отсутствует, и вопрос о его статусе, функционировании и происхождении до сих пор является предметом дискуссии [59, 60]. Наиболее вероятной представляется точка

зрения, согласно которой исследуемые модели с *entre*, совпадая с наречиями *conjuntamente* «сообща», *mutuamente* «взаимно», *en union* «в союзе» и т. д., обладают локативным значением [59, с. 225—226]. Лучше всего об этом свидетельствуют модели современного разговорного языка, в которых существительные с *entre* выступают в функции обстоятельства образа действия, являясь эквивалентами инструментальных конструкций «*con* + существительное»: *Nos descalzabamos y vadeabamos el rio entre gritos y frecuentes chapuzones* (Делибес) (... *con gritos y frecuentes chapuzones*...) «Мы разувались и переходили реку, громко крича и быстро шлепая по воде»; *Un hombre no debe llorar aunque se le muera su padre entre horribles dolores* (Делибес) (... *con horribles dolores*) «Мужчина не должен плакать, даже если у него в тяжких страданиях умирает отец»³.

Ближайший структурный аналог конструкции «*entre* + существительное» в субъектной функции можно отметить и в баскском. Так, например, в бискайском диалекте: *A si zan danari zirike eta danan artien emon eutsien ederrak* [33, с. 2081 «Начал он их провоцировать, и они (букв, «между ними» = исп. *entre ellas*) надавали ему хороших палок». Локативное значение субъектной группы баскской фразы, хорошо согласующееся с возможностью инструментальных трансформаций эргативных конструкций в этом языке, о которой говорилось выше, имеет, кажется, достаточно оснований для того, чтобы в существовании иберо-романских параллелей с *entre* предполагать еще один непосредственный пример воздействия автотонного субстрата, проявившийся в результате иберо-романского двуязычия в северном регионе Пиренейского п-ва, что не исключает, впрочем, возможности позднейшего испанского заимствования в баскском.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bouda K. Das baskische Verbum ist nicht passiv // BRSVAP. 1958. Т. 14.
2. Зыцарь Ю. В. К типологической характеристике эргативной структуры языка басков // ВЯ. 1977. № 3.
3. Zytzar Yu. VI. Sobre el sistema ergativo del vasco (ensayo de una comparacion tipologica) // Fontes Linguae Vasconum (FLV) 1978. Т. 10. № 29.
4. Lafon R. Comportement syntaxique et diathese du verbe basque // BSL. 1954. Т. 50. № 1.
5. Martinet A. La construction ergative et les structures elementaires de Gënoncë // Journal de psychologie normale et pathologique. 1958. P. 391.
6. Trash R. L. On the origin of ergativity // Ergativity. L., 1979. P. 385.
7. Comrie B. Ergativity // Syntactic typology. Studies in phenomenology of language. Sussex, 1978. P. 346.
8. Bretschneider G. Typological characteristics of Basque // Ergativity. L., 1979. P. 371.
9. Каузов Г. А. Принципы контенсивной типологии. М., 1983.
10. Bossong G. Ergativity in Basque // Linguistics. 1984. V. 22. № 3.
11. Lafon R. Ergative et passiv en basque et en georgien // BSLP. 1971. Т. 66. № 1. P. 336.
12. Bretschneider G. Euskara. Hizkuntzen tipologia, ta hizkuntza imibertsalak. Euskariari nazioarteko jardunaldak. Bilbao, 1981. P. 232.
13. Зеликов М. В. Баскское и иберо-романское предложение (параллели субъектно-объектного отношения) // ИАН СЛЯ. 1985. № 4.
14. Lafon R. L'expression de l'auteur de Taction en basque // BSLP. 1960. Т. 55. № 1. P. 189.

³ Инструментальная трансформация моделей *entre* + N (прилагательное) и отдельных моделей *entre* с существительными в обстоятельственной функции не является такой очевидной. Ср.: *Entre tristes y alegres... siguieron su camino* (Сервантес) (*con tristeza y alegria*...) «Грустя и веселясь, они продолжили свой путь»; *Me pregunto entre serio y bromista...* (Сендер) (*con seriedad y broma*...) «Он спросил меня полушутя-полусерьезно».

15. *Heath J.* Antipassivization: a functional typology // Berkeley Ling. Soc. Proc. 1976. N 2.
16. *Bollenbacher J.* The basque passive // Anglo-American contributions to Basque studies. Essays in honor of Jon Bilbao. Univ. of Nevada, 1977.
17. *Rijk R. P. G. de.* Topic fronting, focus positioning and the nature of the verb phrase in Basque // Studies in Fronting. 1978. P. 84.
18. *Eguzkita A.* On so-called passive in basque // FLV. 1981. T. 13. 37.
19. *Trask R. L.* The basque passive: a correct description // Linguistics. 1985. V. 23. N 6.
20. *Zytzar Yu. VI.* Sorbe el «pasivo» del verbo vasco // FLV. 1978. 29. P. 7.
21. *Степанов Ю. С.* Следы архаических типов индоевропейского предложения в латинской косвенной речи // Сущность, развитие и функции языка. М., 1987. С. 62.
22. *Шмальstieg У. Р.* К индоевропейской проблеме (В связи с выходом в свет книги Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы») // ВЯ. 1988. № 1. С. 32.
23. *Степанов Ю. С.* Индоевропейское предложение: лексические вхождения в структурные схемы // ВЯ. 1988. № 1. С. 55.
24. *Villar F.* Ergatividad. acusatividad y genero // Ed. Universidad Salamanca, 1983. P. 44.
25. *Bouzet J.* Grammaire espagnole. P., 1948.
26. *Lapesa R.* Uso potestativo de actualizador con infinitivo // Philologia Hispaniensa. In onorem M. Alvar. T. 2. Madrid, 1985.
27. *Montgomery T.* Basque models for some syntactic traits of the «Poema de mio Sid» // Bull. of Hispanic studies. 1977. V. 54. P. 98.
28. *Lopez Garcia A.* Concordancias gramaticales entre el castellano y el euskera // Philologia Hispaniensa. In onorem M. Alvar. T. 2. Madrid, 1985.
29. *Фролова Н. Е.* Некоторые вопросы развития инфинитива в романо-германских языках // Вопросы романо-германского языкознания: Материалы конференции. Вып. 2. 4.2. Челябинск, 1971. С. 302.
30. *Lapesa R.* El infinitivo con actualizador en espanol: condicionamiento sintactico de su forzosidad o rechazo // Serta Filologica F. Lazaro Carreter. Madrid, 1983. § 2. 3.
31. *Blasco Ferrer E.* La posizione linguistica del catalano nella Romania // ZRPh. 1986. Bd. 102. Hf. 1/2.
32. *Lecuona M.* Gerundioa euskera // Piarres Lafitte-ri omenaldia. Bilbao, 1983.
33. *Holmer N. M., Holmer V. A.* Apuntes vizcainos. II // Anuario del Seminario de Filologia Vasca «Julio de Urquijo». 1969. T. 3.
34. *Villasante L.* Sintaxis de la oracion compuesta. Onate (Guipuzcoa), 1976.
35. *Вольф Е. М.* Некоторые особенности местоименных possessивных конструкций (Иберо-романские языки) // Категории бытия и обладания в языке. М., 1977. С. 169.
36. *Деев М. Н.* Предлоги современного испанского языка. М., 1973. С. 75.
37. *Gonzalez-OIU F.* El romance navarro // RFE. 1970—1972. T. 53. № 1.
38. *Vermeer H.J.* Substrat ouest-europeen // Orbis. 1969. V. 18. N 1. P. 215.
39. *Temes E.* Zur inneren Gliederung der keltischen Sprachen // ZVS. 1978. Bd 92. Hf. 1/2. S. 213.
40. *Ярцева В. Н.* О глагольных категориях инфинитива индоевропейских языков // Актуальные вопросы иранистики: Тез. докл. М., 1970. С. 8.
41. *Tovar A.* Reflexions sur la diffusion de l'indoeuropeen en Europe Occidentale: quelques etymologies celtiques // Cahiers F. de Saussure. 1985. V. 39. P. 84.
42. *Рокоту J.* Keltische L'tgeschichte und Sprachwissenschaft // Die Sprache. 1959. Bd 5. S. 155.
43. *Jacobsen W. H. jr.* Nominative-ergative syncretism in Basque // Anuario del Seminario de la Filologia Vasca «Julio de Urquijo». 1972. T. 6.
44. *Rotaeche K., Doneux J. L.* Sur un point de morphologie nominal du basque // FLV. 1971. T. 3. N 9.
45. *Степанов Ю. С.* Герундивы и имена действия в древнейшем строе индоевропейского предложения // ВЯ. 1985. № 6. С. 22.
46. *Zilikov M. V.* Nuevas aproximaciones acerca del infinitivo vasco // FLV. 1988 A. 20. № 52.
47. *Orr R.* An embryonic ergative construction in Irish? // General linguistics. 1984. V. 24. № 1.
48. *Montes Giraldo J. J.* Notas. 2. La frase verbal y las construcciones impersonales / Thesaurus. 1986. T. XLI. № 1—3. P. 280—282.
49. *Heath J.* Genetivization in Northern Basque complement clauses // Anuario del Seminario de la Filologia Vasca «Julio de Urquijo». 1972. T. 6.
50. *Степанов Ю. С.* О партитивном определении в латинском, испанском и французском языках // ФН. 1959. №2.

51. *Зеликов М. В.* Типологические и субстратные параллели и синтаксической эмфазе в испанском языке // ИАН СЛЯ. 1989. № 4. С. 359.
52. *Oregi J. Berriz ere euskal aditzaz* // FLV. 1985. A. 17. № 46. P. 273.
53. *Степанов Ю. С.* Оборот *Земля пахать* и его индоевропейские параллели//ИАН СЛЯ. 1984. № 2. С. 134.
54. *Ayerbe K. J.* Nafar izkuntzan (Euskara basico de Navarra). Villabona, 1984. P. 123.
55. *Lapesa R.* Evolucion sintactica v forma lingiiistica interior de del español//Revista de filologia espanola. 1968. V."86. P. 147.
56. *Wagner H.* The typological background of the ergative construction // Proc. of the Royal Irish Academy. 1978. V. 78. № 3. P. 56.
57. *Шмальстуг У. Р.* Эргативность в индоевропейских конструкциях со сказуемым в форме аориста медиа // ВЯ. 1985. № 6. С. 30.
58. *Schmidt K. H.* Dativ und Instrumental im Plural // Glotta. 1963. Bd 41. Hf. 1/2. S. 9.
59. *Cano Aguilar R.* Sujeto con preposicion en español y cuestiones conexas // RFE. 1982. T. LXII. № 3/4.
60. *Martinez J. A.* «Entre tu y yo»: .Sujeto con preposicion? ./ Archivum. 1977—1978^ V. 27—28.